

На масленицу вручали самую крупную литературную премию – им. Аполлона Григорьева. После многомесячного отбора лауреатов осталось трое: поэт и прозаик Николай Кононов, поэтесса Вера Павлова и прозаик Алан Черчесов. Главный приз достался даме, с чем мы ее и поздравляем. А побеседовать решили с самым «удаленным» от столиц лауреатом.

Осетин Алан ЧЕРЧЕ-СОВ – модный сегодня в Москве писатель. Несмотря на то, что продолжает жить на родине, во Владикавказе, где, помимо литературной деятельности, возглавляет созданный им Институт цивилизации. Его новый роман «Венок на могилу ветра» недавно вышел в издательстве «Лимбус Пресс».

– Кем вы себя ощущаете – осетин, русским или национальной идентичности для вас не существует?

– Мой отец – осетин, мама – русская (в девичестве, между прочим, носила красивую и гордую фамилию – Суворова, которую, как и положено послушной невесте, безропотно сменила на фамилию своего избранника). Жена моя и вовсе болгарка. Так что перед вами пример настоящего интернационалиста, что, впрочем, отнюдь не означает, что я питаю некие иллюзии относительно собственной национальной принадлежности: я родился и вырос в Осетии, с самого детства окружен ее горами, обычаями и легендами, а потому – осетин до мозга костей. Вместе с тем так уж получилось, что мой родной язык – русский, а русская культура, в особенности ее классическая литература, – это те духовные корни, без которых я бы никогда не состоялся не только как прозаик, но даже как читатель... По-осетински, к сожалению, я не пишу, но в моем русском без труда можно услышать, как «говорит» моя осетинская кровь.

– Стыдно признаться, но, если разговор заходит об осетинской литературе, никто, кроме Коста Хетагурова в голову не приходит.

В поте духа своего

Лауреат премии им. А. Григорьева живет в Осетии

Общая газета
- 2001. - 22-28 февр.
- с. 10

А сегодня из Москвы трудно даже вообразить культурный ландшафт Владикавказа. Вы ощущаете культурную среду в Осетии или чувствуете себя одиночкой?

– Культурный ландшафт Владикавказа спустя годы начинает потихоньку обретать более или менее приличные формы: работают театры, выжили библиотеки, издается несколько литературно-художественных журналов, устраиваются выставки, танцуют ансамбли, играют музыканты, художники пишут картины, ваяют скульптуры, творят архитекторы, работают издательства, вещают несколько теле- и радиоканалов... Недавно прошел первый кинофестиваль и фестиваль театров Северного Кавказа. А когда приезжает В. Гергиев со своим оркестром – тут уж вপুরе всем завидовать нам. Могу сказать, что к культуре нынешнее руководство республики питает особую слабость. Во всяком случае, немудрено себе и представить, чтобы наш губернатор Дзасохов, подобно Аяцкову, загубил бы такой великолепный журнал, как «Волга»... Но что бы ни делалось за окном – писатель всегда одиночка...

– «Венок на могилу ветра» – роман огромный. Отдадите ли вы себе отчет, что редкий читатель долетит до его середины?

– Судя по тому, как расходуется книга, этот «редкий читатель» совсем не так редок, как кажется... По моим наблюдениям, он с ней справляется быстро и в радость. Как ни странно, суждение о том, что читать роман тяжело, исходит от критиков, которые, очевидно, за последние несколько лет слишком привыкли к малым текстам, малым темам и малым трудам. Такое впечатление, что они позабыли о том, что на свете были когда-то Л. Толстой с «Войной и миром», Ф. Достоевский с «Братьями Карамазовыми», Дж. Джойс с «Улиссом», Т. Манн с «Иосифом и его братьями» и т.д. В сравнении с этими гигантами мой роман – просто газетная колонка. Даже наиболее значимые произведения массовой культуры – солидные и обязательные толстяки: достаточно назвать «Графа Монте-Кристо» или «Унесенных ветром». Так что внушительный объем произведе-

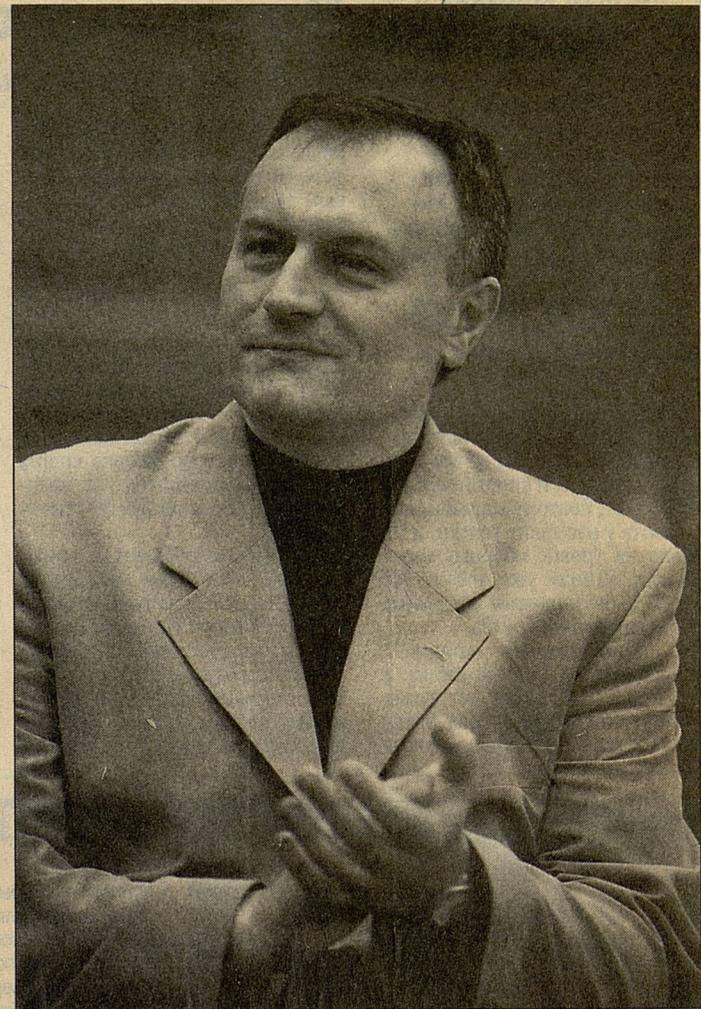
ния вовсе не означает его заведомую «проигрышность» у читателя. Что касается «Венка на могилу ветра», то у него в глазах рядового читателя имеется ряд неоспоримых достоинств: увлекательный, крепкий сюжет и более чем запоминающиеся персонажи, которым можно сострадать.

– Согласны ли вы с мнением некоторых критиков, что ваши книги намеренно старомодны?

– Не заметить того, что «Венок» насковозь пронизан экспериментом, под силу только слепому. Да и первый роман, «Реквием по живущему», вырастая из чисто фолкнеровской затеи о «земле величиной с почтовую марку», по существу, вступал в полемику с великим и любимым мною американцем, чего тогда, шесть лет назад, не понял лишь ленивый. Если тот мой роман не избежал у критики многочисленных параллелей с предшественниками (забавен уже сам их ряд: Фолкнер, Толстой, Достоевский, Гарсиа Маркес, Чиладзе, Газданов, Матевосян, Набоков, Кафка, Андрич, «Тысяча и одна ночь» и т.д.), то вот для «Венка» почему-то никто не рискует называть хоть каких-то предтеч. Разве не странно для «старомодного» романа?.. В эпоху, когда все вокруг трубят о кризисе современной словесности, я противопоставил этому кризису совершенно нормальное желание вернуть литературе ее былое достоинство и возвратиться к тому, с чего она начиналась: к притчевой сюжетности, масштабным героям и миротворчеству «всерьез». На протяжении всего романа я словно шел по лезвию ножа, рискуя сорваться в пучину Проклятой реки из-за любого неверного шага. Слава богу, мне удалось благополучно, «влёт» (заключительные главы писались стремительно, счастливо, звонко), добраться до самого конца и не сфальшивить. Было чувство победы и полной опустошенности, когда ты счастлив тем, что это в твоей жизни было и будет еще долго – навсегда...

– Существует ли вы в диалоге с потенциальным читателем? Кто он для вас?

– Любимый автор, не играющий в поддавки со своими способностями, а пишущий, по изрече-

нию того же Фолкнера, в «поте духа своего», находится в постоянном диалоге с тем читателем, от циничного, насмешливого, неверящего взгляда которого ему все равно никуда не уйти. Этот читатель он сам. Более сурового судии не может и быть. Удача, если этот судия не превращается в безжалостного палача. Тогда есть шанс, что написанная в этот день страница уцелеет и поможет тебе двинуться дальше, борясь с постоянным и досадным косноязычием...

– Состоите ли вы с кем-то из русских писателей во внутренней перекличке? А из зарубежных?

– Наверняка. Даже если тебе самому невдомек. Здесь важно не столько все время оглядываться

по сторонам, сколько постоянно помнить о тех, кто сделал легенду из прошлого. Как-то мне уже доводилось публично делиться своей неприхотливой формулой: чтобы не промахнуться в современников, нужно держать на прицеле всех тех, кто был до тебя. Самый надежный способ постичь глубину.

– Наконец шаблонное: над чем вы сейчас работаете?

– Скорее, это новый роман «работает» надо мной. Порой я чувствую, как он начинает бродить во мне пока еще робкими, трепетными волнами. Остается дожидаться прилива...

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА

22. - 28. 02. 2001
Черчесов Алан